

И. С. Аксаков: краткая справка.

Оригинал здесь: [Русский Биографический словарь](#)

Н. Лернер

Аксаков, Иван Сергеевич, знаменитый славянофил-публицист, сын С.Т. , брат К.С. Аксаковых. Родился 26 сентября 1823 года в селе Надежине (Куроедове), Белебеевского уезда Уфимской (тогда Оренбургской) губернии. Первые детские годы провел в деревне и в Москве, юношеские – в Петербурге, в училище правоведения. Окончив курс в 1842 году, А. поступил на службу в московские департаменты правительствующего Сената. Со школьной скамьи он сошел уже созревшим нравственно и, вступая в жизнь и на службу, поставил себе ("Жизнь чиновника", сатирическая "мистерия") тяжелый вопрос: "служить или не служить?... не я ли мечтал для общей пользы жить?... но службою достигну ли цели я?...". И хотя "таинственный голос" твердил ему: "жизни пошлой битая дорога не твой удел, к иному ты сужден... на поприще служебном для отчизны не будешь ты полезней и славней... смелей же в путь с надеждою крылатой на поприще и славы, и труда", но начало сороковых годов было еще тем временем, когда прутковское изречение, что только в службе государственной можно познать истину, не могло звучать иронией: только казенная служба открывала некоторый простор для общественной деятельности. Московская канцелярская работа, конечно, оказалась не по А.; он постарался определить себя к живому делу и перешел в провинцию. Несколько лет прослужил он сначала в калужской уголовной палате, потом в астраханской. Однако, здесь он, в конце концов, изнемог; глядя на "кругом царящее зло", он понял, что один в поле не воин, и ушел из судебной службы, навсегда сохранив в душе страшные впечатления дореформенного суда. В 1848 году он перешел в министерство внутренних дел чиновником особых поручений. В этом качестве он ездил в Бессарабию по раскольничьим делам, в Ярославскую губернию – для ревизии городского управления, для введения единоверия и для изучения секты бегунов (о которой написал большое исследование). Его работоспособность и трудолюбие были поразительны, но всем своим обликом, своим неутомимым практическим идеализмом он представлял настолько необычную среди чиновников николаевской эпохи фигуру, что служба быстро извергла его из своих недр. Ближайшим поводом к этому послужил полученный им из Петербурга, вследствие доноса ярославского губернатора, запрос о рукописи, которую А. читал своим знакомым. Познакомившись с этим произведением (поэма "Бродяга", герой которой – беглый крепостной), начальство поставило автору на вид нелегальное положение героя, а также несовместимость государственной службы с "занятием стихотворством". А. вышел в отставку (1851) и отдался литературе, примкнув, конечно, к тому славянофильскому кругу, к которому принадлежал, так сказать, по рождению и по семейному воспитанию. Будучи редактором "Московского Сборника", он, по запрещению цензурой II тома (1852), вместе с другими участниками (Константином Аксаковым, Хомяковым, Киреевским, князем Черкасским) был отдан под надзор полиции и лишился права представлять свои произведения в обычную цензуру, что являлось почти прямым отлучением от пера. В этих обстоятельствах он горячо ухватился за предложение географического общества описать украинскую ярмарочную торговлю (1853). Результатом этого труда явился богатый опыт по наблюдению народной жизни на местах и замечательное в экономическом и статистическом отношении "Исследование о торговле на украинских ярмарках", изданное только в 1859 году, потому что обработка добытых материалов была прервана (1855 – 56) поступлением А. в ополченскую дружину. Здесь А. удивил всех недожиданным и по тем временам небезопасным подвигом честности: его отчет по расходованию казенных денег на вверенный ему отряд был косвенным, но красноречивым обвинительным актом против всего ополченского начальства, и командующий ополчением наотрез отказался подписать отчет. В 1858 году А. фактически, но неофициально, редактировал славянофильскую "Русскую Беседу". В 1859 году, после усердных хлопот, он получил разрешение на газету "Парус", но на втором номере газета была закрыта: правительство не только тогда не сочувствовало пропаганде всеславянского единения, но желало заградить уста идеологам самодержавия и патриотизма, боясь, что их неумеренная защита абсолютно-монархического